

НАБОР ВЫСОТЫ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ПИСЬМА

ОБА ГЛАВНЫХ режиссера были недовольны.

Главный режиссер Казахского академического театра имени М. Ауэзова Азербайжан Мамбетов и главный режиссер Русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова Мар Сулимов.

Промедлив спектаклем, актерами, состоянием казахской драматургии и еще тысячу вещей. А главное — самими собой.

После, когда я рассказываю вам об увиденных спектаклях, вы с удивлением спросите, как спросила я: откуда недовольство, когда идет такой яркий и интенсивный процесс — процесс набора высоты, в первом случае, и творческие победы, дающие возможность говорить об общем уровне театральной культуры, — в другом?

Самое важное и, в общем, счастливое объяснение: именно потому, что процесс, именно потому, что победы. Представьте себе в обоих случаях вполне довольных художников — и, может быть, не было бы и случаев.

Сцена Казахского академического театра. «Дикий Буке». Пьеса казахского драматурга Акима Тарази, постановка режиссера Раймбека Сейтметова.

Одно из отделений совхоза живет особой жизнью: рабочих здесь значительно меньше, нежели в других отделениях, а дела гораздо лучше. Всю пьесу идет заседание, посвященное эксперименту, который проводит управляющий вторым отделением Буке. Заседание с интермедиями и отступлениями. Интермедии — потому что директор совхоза Асан тут же демонстрирует сельскому самотеатру. А отступления — потому что время от времени Асан и его районное начальство Кирпичбай выбегают на авансцену срочно подновить свои позиции. В своих действиях оба руководствуются не интересами дела, а интригами, в которых, как им кажется, и состоит секрет управления. Поэтому так подробно разбирается ими все интонационное и смысловое «богатство» фразы, которую

произнес руководитель области, не позволяющий на сцене: «Да... Ну смотрите и решайте. Что она означает? Поддержку эксперименту (поднявшего, между прочим, производительность труда и принесшего прибыль совхозу) или сомнение в нем? Местные метрихи раздумывают, сопоставляют известные им факты и наконец принимают за указание последнее: сомнение. С этого момента начинаются злоключения Буке, до того ходившего уже в победителях.

Комедия Акима Тарази, молодого драматурга, страдает недостатками. Не лишена их и постановка Раймбека Сейтметова: неосвоенное громадное пространство сцены, отсутствие отточечности, блеска в режиссерском решении.

Но зато есть и дорогое. Прежде всего сам факт, что театр взялся за такое остросатирическое произведение. Дуэт Асана и Кирпичбай (актеры С. Оразбаев и Р. Сейтметов), не раз возникающий на протяжении спектакля, смешон, но и страшен. Кирпичбай холодно и продажно возвел лицемерие, коварство в стиль жизни.

Обаяние спектакля во многом сосредоточено в Буке — его играет талантливый А. Молдабаев. Непосредственный, горячий, непредугадываемый в реакциях, он вносит страсть в заседание, жизнь в спектакль. Московский ученый Винтер с интересом присматривается к Буке. Человек, много прожитый на свете, он видит, в чем проигрывает Буке, как он облегчает задачу своим противникам. Винтер учит Буке житейской мудрости, как будто вполне приемлемой: не гордиться, не проявлять безрассудства, быть дипломатом. Бедно только, что свойства, от которых он предостерегает Буке, апраму связаны с его талантом, с его горением. Уйдет одно — уйдет и другое.

Однако у пьесы есть неожиданная эпилла. Три молодых человека, как бы три новых Буке, идут на прием к нашему Буке. Он стал те-

перь начальником, и в заместителях у него не кто иной, как Кирпичбай. Молодые Букены горячатся, они повторяют молодость «дикого Буке», его ошибки и его победы, но в ответ слышат: «А выговор? А к прокуратуре?.. Если хочешь жить спокойно, не высказывайся». Слова, которые говорили когда-то ему. Молодые Букены думают, что он шутит. Он и шутит — в спектакле Казахского академического театра. Смягченный, благополучный конец, может быть, и удовлетворяет наше чувство справедливости, однако во многом смягчает остроту нравственного урока.

Азербайжан Мамбетов:

— Меня беспокоит проблема молодой режиссуры. Мне кажется, их (или нас, ведь я тоже окончил ГИТИС не так уж давно) не учат работать с драматургом, над драматургией, не апробированной, а новой, в которой нужно разбираться самому. В киношкола начинающий режиссер сразу имеет дело с современным сценаристом. Может быть, такой союз и в театральном вузе даст свой плодотворный результат? Запас классических пьес, над какими молодой человек работал с педагогами, быстро кончается, и вот тут понимаешь, как много нужно еще узнать и определить для себя, чтобы иметь право называться режиссером. Не каждому удается преодолеть кризисный момент. Случается, что вместо художника, одержимого смелыми идеями, является усталый старец с молодым лицом. Можно научиться стремительно развешивать драматургическое действие, интересно строить мизансцены. Но сначала надо научиться любить человека, глубоко любить свой народ, любить не только его прошлое, а утверждать дерзко и ответственно то, что должно прорасти в будущем. Раймбек Сейтметов, актер, окончил Высшие режиссерские курсы в 1971 году. У нас много одаренной молодежи. И все-таки творческой самостоятельности явно не хватает, история Сейтметова — почти единственная.

Мар Сулимов:

— И меня беспокоит это: ролями обеспечены — и возникает такая сытость. Когда про-

исходит становление театрального коллектива, особенно коллектива единомышленников, этого и в памяти нет. А вот когда появляется своего рода стабильность... Это опасно еще и потому, что передается зрительному залу. Вы спрашиваете о взаимоотношениях со зрителем. Они простые, неоднозначные. Иногда, скажу откровенно, потрещает нечуткость в зале. Смех во время какой-то ключевой, иногда трагической сцены — как тревожный звонок о душевной неразвитости. Зато бывает, что удивительно «прорастают» самые тонкие моменты, и тогда тишина зрительного зала — как земля сада, в которую хочется бросать самые драгоценные зерна. Есть зритель, отвечать на вопросы, запросы которого — счастье для художника. Это он требует серьезных, честных раздумий над современными проблемами, в расчете на него мы обращаемся к самым интересным сегодняшним авторам. В их числе Вампилов, которого поставила моя молодая коллега.

Сцена Русского театра драмы. «Свидание в предместье». Пьеса Александра Вампилова, постановка Ирины Далинковой.

На занавесе, что сейчас поднимется, две аппликации: юноша с кларнетом и юноша в позе роденовского мыслителя (художник Т. Афанасьев). Эта чуть «остраченная», чуть ироничная и в то же время прозрачная, чистая символика очень хороша тут. Юноша с кларнетом — таким, верно, был музыкант Сарафанов, чудной, не от мира сего старик. Когда-то он играл в симфоническом оркестре — теперь играет на похоронах. Сочиняет музыку, но за всю жизнь заполнил нотными знаками один-единственный листок. Личная жизнь не удалась. Сын, совсем ребенок, влюбился во взрослую женщину, соседку, — его тонко, с большим художественным тактом играет И. Кан. Дочь (Н. Мелешко) собирается замуж, а обидно спокойна.

В этом не очень счастливым доме появляются двое молодых людей. Разыгрывается шутка, которую легко,

весело, как и все, что он делает, придумал один из них, студент Бусыгин (В. Малоchevский). Ироничный, удачливый, обаятельный парень, Бусыгин играючи врывается в жизнь Сарафанова, ловко силится историю о том, что он его внебрачный сын. Он делает это не для ала и, по сути, не из корысти. Какая особая корысть в том, чтобы переночевать в знакомом доме, когда холодная ночь застала в предместье, а электрички уже не ходят? Просто шутка, просто возможность еще раз продемонстрировать свою молодую бесшабашность.

Только что так щемит нас и что, по счастью, начинает щемить и его, Бусыгина?

Да то, что он совершил взлом, не тот, за который по закону полагается тюрьма, а ненаказуемый, душевный взлом. Ему открылась душа старого Сарафанова. Но в результате сложных психологических связей и его собственная душа открылась тоже. С этого мига Бусыгин не прежний, Бусыгин иной.

Позже Вампилов будет жестче, беспощаднее. Он напишет пария, в котором это прощение себе «маленьких грехов», это потакание своим таким невинным слабостям обернется, в конце концов, растлением личности, несостоявшейся жизнью. Но и Бусыгин — это предупреждение драматурга. Кажется, ничего не стоит содрать, приурдари за девчонку в насмешку, все ненаказуемо, если не поймал, если увернулся. А цена может быть велика, и расплата сурова...

«Свидание в предместье» — профессиональный спектакль. Он поставлен со вкусом, действие идет в хоршем ритме, связаны все узы отношений и жизненных позиций.

В том спектакле, который видела я, комическое несколько преобладало над лирическим, в артисты — даже такой первоклассный мастер, как народный артист Казахской ССР Ю. Померанцев (Сарафанов), которому в тот день исполнилось пятьдесят лет, — вовсе старались не репризах. Но так бывает: в театре вечер на вечер не похож...

О. КУЧКИНА.
(Наш спец. корр.).
Алма-Ата.

(Продолжение следует).